УДК 070.1 + 32.001

М. А. Фельдман

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ОСЕНИ 1919—1920 гг.: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена проблеме оценке размеров ущерба промышленности Урала в годы Гражданской войны. Прослежена динамика оценок ущерба на протяжении советского периода истории; дана обоснованная характеристика потерь промышленности и рабочих кадров.

Ключевые слова: Урал; Гражданская война; промышленность; рабочие кадры; ущерб.

В ряду немногочисленных исторических трудов предвоенного времени, юбилейное издание 1939 г., посвященное 20-летию освобождения Урала от колчаковских войск, с ярко выраженным историко-партийным характером, приобрело черты официоза. Внесенные в литературу данные о разрушенных белогвардейцами при отступлении летом 1919 г. 70 % всех заводах Урала и нанесенном ущербе промышленности в 539 млн 139 тыс. руб. [см.: Разгром, с. 13, 112] стали непререкаемой истиной и постулатом, вошли в учебники. Эти цифры стали «классическими» не только в период конца 1930-х — 1980-х гг., но встречаются в постсоветской литературе [см.: Нарский, с. 87].

С этого времени (1939) в уральскую историографию прочно вошел тезис о спланированном и масштабном разрушении предприятий промышленности Урала и зданий в период отступления колчаковских войск. Характерным примером оценки событий лета 1919 г. можно считать статью Т. Ф. Кобылкина (1970), в которой сообщалось, что, отступая под ударами Красной армии, белогвардейцы, осуществляя *заранее намеченные планы* (выделено мною. — *М. Ф.*) разрушения уральской **промышленности**, вывели из строя почти 70 % всех заводов Урала. В глубь Сибири было отправлено имущество Пермского, Лысьвенского, Златоустовского и многих других заводов. Не разрушенные врагом предприятия стояли из-за отсутствия рабочих, топлива, сырья. Ущерб, нанесенный колчаковцами уральской промышленности, исчислялся, по мнению автора, в 608 932 511 руб. золотом [см.: Кобылкин, с. 31].

В конце 1980-х гг. А. П. Абрамовский и В. С. Скробов — авторы соответствующего (1917—1920 гг.) раздела первой части «Истории народ-

© Фельдман М. А., 2014.

ного хозяйства Урала» более сдержанно оценивали ситуацию в экономике региона во второй половине 1919 г. По их мнению, отступая под ударами Красной Армии, колчаковцы *стремились* (выделено мною. — *М. Ф.*) вывести из строя промышленные предприятия. Однако стремительное наступление Красной армии, противодействие уральских рабочих не позволили колчаковцам осуществить свои планы. Так рабочие Пермского пушечного завода сумели сберечь много ценных станков и более 1 млн пудов стали [см.: История..., с. 37].

Следует сказать, что и при отступлении красных летом 1918 г. рабочие ряда заводов, (например, Надеждинского, Богословского) отказались грузить вагоны и не позволили вывезти заводскую продукцию, включая снаряды [см.: ГАСО, ф. 1913, оп. 1, д. 24, л. 33—33 об.]. В этом явлении отразились не столько симпатии рабочих к одному из враждующих лагерей, сколько отношение рабочих к своим предприятиям как коллективной собственности, усиленное национализацией первых месяцев 1918 г.

Кроме того, телеграмма Областного Совета Уральской области от 14 августа 1918 г. местным Советам предупреждала, что при отступлении Красной армии с территории Урала «разрушение заводов недопустимо» [см.: Там же, д. 10, л. 1]. Однако не следует ни недооценивать позитивное значение телеграммы Областного Совета, ни переоценивать ее содержание: к 14 августа красные уже покинули Уфу, Челябинск, Екатеринбург, ряд расположенных неподалеку заводов [см.: Дубленных, с. 20, 21, 26, 27]. Что же касается Надеждинского, Богословского заводов, они были заняты белыми в октябре 1918 г. На очевидном хаотичном характере «красной эвакуации» сказалось и то, что проблемы вывоза оборудования были поручены самым различным органам: Советам, Деловым Советам, профсоюзам, действующим децентрализовано и в условиях стремительного приближения боевых действий [см.: ГАСО, ф. 2601, оп. 1, д. 151, л. 36].

А. П. Абрамовский и В. С. Скробов ущерб, нанесенный **экономике** Урала, исчисляли суммой в 539 млн 139 тыс. руб., ссылаясь при этом на все тот же источник 1939 г. — «Разгром колчаковщины на Урале». Судя по тексту первой части «Истории народного хозяйства Урала», указанную величину потерь составляли: вывезенные с рудников Урала и Сибири драгоценные металлы на сумму 114,5 млн руб.; прямой материальный ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Урала в 231,9 млн руб.; оставшиеся 174,7 млн руб. [см.: История..., с. 37, 47], приходились на промышленность (вывезенное и испорченное оборудование) и транспорт.

Нетрудно заметить, что ущерб промышленности в период отступления колчаковских войск спустя полвека определялся советскими историками по крайней мере в четыре раза меньше, чем в 1939 г., отражая сдвиг

исторической науки в СССР от публикаций, выстроенных целиком на мифах и полной идеологизации, к попыткам соединить мифологию с научными данными.

Характерно, что тот же Т. Ф. Кобылкин отмечал, что основная часть вывезенного колчаковцами оборудования была *оперативно возвращена* советскими органами. В короткий срок, с 18 февраля по 22 марта 1920 г., из Восточной Сибири на Урал было отправлено 11 эшелонов с оборудованием уральских заводов. К концу 1920 г. основные восстановительные работы были завершены [см.: Кобылкин, с. 39].

Однако речь шла не только о восстановлении производственных мощностей. А. П. Абрамовский и В. С. Скробов обоснованно отметили: уже осенью 1919 г. возобновили работу многие заводы Урала, действовали 14 доменных и 16 мартеновских печей, 49 прокатных станов, т. е. не менее 1/3 металлургических агрегатов, работавших в июле 1918 г. [см.: История..., с. 38, 39]. В 1920 г. на заводах Урала было произведено более 70 % выплавленной в стране стали, почти 100 % рельсов и 62 % проката [см.: Гражданская война, с. 388]. Как видно, военная экономика Советской России во многом опиралась на промышленные ресурсы Урала.

Наибольших успехов в 1919—1920 гг. добились ведущие оборонные заводы Урала. Так в декабре 1919 г. Пермский пушечный завод достиг уровня 1915—1916 гг. (!), в 1920 г. выпустил 283 орудия и 563 комплектов запасных частей к ним, 10,3 тыс. снарядов крупного калибра и прочее вооружение [см.: История..., с. 40].

Ижевский завод в 1920 г. по среднемесячному выпуску винтовок был близок к уровню июня 1918 г. За 1919—1920 гг. ижевские оружейники дали Красной армии 445 720 винтовок, что составило половину их выпуска в стране [см.: Лахман, с. 41]. Всего же во второй половине 1919-го — в 1920 гг. заказы военного ведомства выполняли 477 заводов и фабрик Урала [см.: История..., с. 39, 40]. В 1920—1921 хозяйственном году валовая продукция каменноугольной промышленности Урала составила 82,5 % от уровня 1913 г. (правда, при удвоении числа занятых) [см.: История..., с. 77]. Наряду с этим за осень 1919 г. было восстановлено большинство поврежденных мостов через реки Урала и к ноябрю 1920 г. средняя скорость движения поездов составила 14 верст, при довоенной скорости 35 верст в час [см.: История..., с. 43—44].

Указав, что «на занятой врагом территории из каждых 5 уральских заводов работал только один» [см.: История..., с. 39], А. П. Абрамовский и В. С. Скробов, по сути, дезавуировали ходовое утверждение: «белые вывели из строя почти 70 % всех заводов Урала». Добавим к этому, что в современной литературе, посвященной истории Колчаковской армии

и белым правительствам на Востоке страны [Зырянов], не содержатся факты, подтверждающие наличие заранее намеченных планов разрушения уральской промышленности.

Заметим, что, тезис о «спланированном и масштабном разрушении предприятий промышленности» в литературе советского периода мирно сосуществовал с положениями о неорганизованном и хаотичном отступлении белогвардейских войск с Урала, по сути, не оставляющим времени для подрывных операций. Так, в ходе Екатеринбургской операции 5—20 июля 1919 г. в результате стремительного броска дивизии красных под командованием В. М. Азина, белые оказались не в состоянии отправить даже эшелоны с ранеными [см.: Плотников, 1976, с. 3—12]. Аналогичными были и результаты Челябинской операции 17 июля — 4 августа 1919 г. (включая восстание 6 тыс. рабочих в Челябинске 24 июля 1919 г.): из-за вынужденного отказа колчаковцев от организованной эвакуации все подготовленные ценности, оборудование ряда предприятий (3 тыс. вагонов) остались на месте [см.: Плотников, 1981, с. 3—101]. Резюмирующим в данном случае можно считать примечательный документ, введенный в научную литературу И. Ф. Плотниковым — письмо Реввоенсовета 5-й Армии В. И. Ленину от 1 августа 1919 г. (т. е. составленное по «горячим следам» событий), в котором прямо отмечалось: «Урал захвачен врасплох, заводы почти не тронуты Колчаком, а часть вывезенного им из заводов захвачена…» [см.: Плотников, 1982, с. 17].

Обобщим сказанное. Возвращение значительной части оборудования и быстрота восстановления испорченных станков и механизмов позволяют сделать вывод о том, что ***невозвратимый*** ущерб предприятиям уральской промышленности был невелик. Сопоставление приведенных данных указывало не на разрушительные последствия белого отступления, а на куда более очевидные причины разрухи: отсутствие топлива, сырья; квалифицированной рабочей силы.

Нельзя не сказать того, что, вообще-то, подобный вывод был внесен в научную литературу еще в 1936 г., наиболее глубоким исследователем горнозаводской промышленности в советский период С. П. Сиговым. По его обоснованному статистическими материалами мнению, повреждения техническому оборудованию металлургических цехов были сравнительно незначительны и не играли существенной роли в последующем восстановлении производства [см.: Сигов, с. 276—277]. Наиболее пострадавшими от эвакуации являлись Пермские пушечные заводы. Так, из 80 имевшихся на заводе паровых котлов с 78 была снята арматура; были вывезены часть заводского оборудования, материалы; с Лысьвенского металлургического завода увезена часть прессов и станков, сварочные

аппараты. Вместе с тем, отмечал С. П. Сигов, разрушения, произведенные в военных и отчасти силовых цехах заводов, были в ряде случаев весьма серьезны, но и здесь стремительное отступление белых войск помешало осуществить план эвакуации. «Будучи *в дальнейшем реэвакуировано* (выделено мной. — *М. Ф.*), увезенное с заводов оборудование, в условиях того момента, в большинстве случаев не находило себе применение» [см.: Сигов, с. 277]. Если вспомнить приведенный выше факт о том, что наиболее пострадавший летом 1919 г. от белой эвакуации Пермский пушечный завод в декабре 1919 г. достиг уровня 1915—1916 гг., справедливость выводов С. П. Сигова становится очевидной.

Последствия белой эвакуации, подчеркивал С. П. Сигов, «касались не столько оборудования, сколько аппарата управления производства, начиная с канцелярских принадлежностей до увода всего квалифицированного состава работников» [см.: Сигов, с. 278].

Все эти наблюдения и выводы С. П. Сигова были «благополучно незамечены» и проигнорированы советскими историками в силу идеологических соображений, во многом из-за того, что положения, вошедшие в историко-партийную литературу, в принципе не могли подвергаться сомнению. Незамеченным осталось и резюме ученого: «Разрушения (лета 1919 г.) имели весьма существенное значение с точки зрения тех возможностей, которые создавало установленное на заводах в военный период оборудование» [Сигов, с. 278]. Иными словами, ущерб от отступления белых войск рассчитывался исходя преимущественно из ***потенциальных потерь*** неработающих предприятий Урала.

В подтверждение этого тезиса наглядно свидетельствует сводная ведомость убытков уральской промышленности в результате Гражданской войны и интервенции, впервые опубликованная В. С. Голубцовым в 1960 г. Отталкиваясь от данных об ущербе от Гражданской войны, собранных работниками ВСНХ, по единой анкетной ведомости с предприятий Урала в 1924 г., В. С. Голубцов привел общую сумму потерь промышленности — 608,215 млн руб. по довоенным ценам. Однако 87 % этой суммы — 527,5 млн руб. — составляли потенциальные убытки от сокращения производства промышленной продукции Урала в ходе военных действий летом 1918-го — летом 1919 гг., т. е. **косвенные потери**; 12,7 млн руб. составили расходы на реэвакуацию. 56,2 млн руб. приходилось на стоимость поврежденных заводских зданий, оборудования, вывезенного сырья и готовых изделий, а еще 12,5 млн руб. — на «уничтожение естественных богатств на поверхности и в недрах земли» [Голубцов, с. 100].

Нетрудно подсчитать, что по категории «ущерб от отступления белых войск» документально зафиксировано 68,7 млн рублей, или 11 %,

от величины в 608,2 млн руб. С учетом возвращения на предприятия Урала значительной части оборудования реальная стоимость ущерба промышленности представляет существенно меньшую величину.

Изучение документов, соседствующих со сводной ведомостью убытков в том же деле (д. 1486), свидетельствует, во-первых, о произвольном включении в разряд ущерба от потерь Гражданской войны «вырубок недостигшего спелости леса вблизи гужевых дорог» [ГАСО, ф. Р-95, оп. 1, д. 1486, л. 38]; стоимости непрофильных работ по ремонту боевой техники на заводах Урала [ГАСО, ф. Р-95, оп. 1, д. 1486, л. 50—51]; средств, отпущенных на помощь семьям погибших красноармейцев [ГАСО, ф. Р-95, оп. 1, д. 1486, л. 55—56] и т. д.

Во-вторых, содержание приказа ВСНХ от 27 июля 1924 г. № 517/с о проведении подобного подсчета акцентировало внимание именно на стоимости ***непроизведенной*** продукции в период 1918—1922 г. (!) по рыночным довоенным ценам, исходя из объема выпуска 1916 г. [ГАСО, ф. Р-95, оп. 1, д. 1486, л. 4—8]. Нетрудно заметить, что метод произвольного определения величины потерь, соседствует с подменой понятий «ущерб от потерь Гражданской войны» и «ущерб, нанесенный отступлением колчаковских войск».

Игнорирование реального содержания сводной ведомости убытков уральской промышленности в результате Гражданской войны и интервенции, опиралось не только на традицию непогрешимости историко-партийных трудов, оторванности их от научного анализа статистики, но и на методологию подобных подсчетов в советской литературе. Так, в официальном документе «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду (май 1922 г.)» общая величина претензий к странам Антанты исчислялась из суммы ***прямых*** убытков по металлопромышленности всей страны в 116 млн рублей и ***косвенных*** — сокращения производства на 1 630 млн рублей [см.: Внешняя политика, с. 100].

Обратимся же к сфокусированному С. П. Сиговым основному фронту потерь: эвакуации квалифицированного состава работников промышленности. Важным мероприятием, способствующим восстановлению промышленности, было возвращение из Сибири работников предприятий и реэвакуация вывезенного колчаковцами оборудования. В конце 1919 г. на объединенном заседании Урало-Сибирской комиссии ВСНХ и представителей от ВЦСПС и ЦК Всероссийского союза металлистов (ВСРМ) была образована специальная комиссия для розыска и возвращения всего вывезенного с Урала имущества и квалифицированных работников. Уполномоченным Урало-Сибирской комиссии ВСНХ по реэвакуации уральских заводов был назначен В. П. Сулимов, старый рабочий Златоустовских

заводов [см.: Кобылкин, с. 37]. В ходерозыскных и реэвакуационных действий в период с 18 февраля по 22 марта 1920 г. из Восточной Сибири на Урал были возвращены 478 инженеров и техников, 592 конторских работника, 1 443 квалифицированных работников, 26 медработников, 23 лесных техника [см.: Кобылкин, с. 37—39].

Централизованная реэвакуация продолжалась до мая 1920 г. и позволила в целом за 1920 г. вернуть из Сибири и распределить по заводам 4 504 квалифицированных рабочих, 1 114 инженеров и техников, 1 965 конторских работников [см.: Годовой отчет, с. 63]. Судя по данным В. С. Голубцова, о подтвержденной документально эвакуации белыми летом 1919 г. 9 тыс. уральских промышленных рабочих с 29 заводов (т. е. практически всех работавших), уже в эти месяцы (февраль—май 1920 г.) централизованно удалось вернуть половину квалифицированных рабочих (4 504 из 9 000) [см.: Голубцов, с. 98]. В исторической литературе существует и несколько большая цифра нехватки квалифицированных рабочих в промышленности Урала к началу 1920 г. — 12 тыс. человек [см.: Дмитриев, с. 77], но она (помимо эвакуированных) включает в себя и численность мобилизованных в вооруженные формирования воюющих сторон.

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о реэвакуации (централизованной и самостоятельной) в течение 1920 г. большинства вывезенных колчаковцами заводчан-уральцев. Об этом же свидетельствуют и результаты поездки в 1925 г. заместителя председателя Уралсовнархоза М. К. Ошвинцева и инженера М. А. Соловова на Дальний Восток и Китай (Харбин), специально командированных для возвращения квалифицированных работников на уральские заводы: на их имя поступило не более 50 заявлений [см.: Главацкий, с. 62].

Характерен пример с оборудованием Златоустовского завода, вывезенных колчаковцами в 200 вагонах в Томск. Эвакуации в июле 1919 г. подверглись 16 % рабочих и 40 % служащих Златоустовского завода, всего 1 703 человека. В марте 1920 г. в 183 вагонах было возвращено оборудование и реэвакуированы 1 582 человека (93 %): все рабочие и 72 % инженерно-технических работников и служащих. Близкой к этому была картина и на остальных заводах Златоустовского горнозаводского округа (Саткинского, Кусинского, Миасского, и др.) с тем отличием, что на этих предприятиях вывезены были только готовые изделия и часть материалов; процент эвакуированных рабочих колебался от одного до трех, а инженерно-технических работников и служащих — от 15 до 23 %. (Всего же в эвакуации оказались 13 % рабочих и 30 % служащих Златоустовского горнозаводского округа.) [см.: ГАСО, ф. Р-95, оп. 1, д. 184, л. 86—87].

Следует отметить, что в упомянутую содержательную публикацию В. С. Голубцова вкралась некоторая неточность. Ссылаясь на докладную

записку управления Златоустовских заводов, В. С. Голубцов писал, что белые с этих заводов забрали от 15 до 64 % состава инженеров, техников и служащих [Голубцов, с. 98]. Однако в архивном деле, на которое ссылается В. С. Голубцов, отмечается: 64 % инженеров, техников и служащих было эвакуировано только из аппарата правления Златоустовского горнозаводского округа. В целом же, как отмечалось выше, в эвакуации оказались 30 % инженеров, техников и служащих Златоустовского горнозаводского округа) [ГАСО, ф. Р-95, оп. 1, д. 184, л. 86].

Массовые мобилизации в вооруженные формирования красных и белых, насильственная и добровольная эвакуация промышленных кадров летом 1919 г. действительно обусловили нехватку укомплектования предприятий индустрии Урала к началу 1920 г. в размере до 60 тыс. рабочих и 10 тыс. инженерно-технических работников [см.: Дмитриев, с. 76]. (Нехватка рабочих для предприятий трестированной промышленности, в основном обслуживающей нужды Красной армии, составляла 47 600 человек.) [см.: Годовой отчет, с. 63].

Однако реэвакуация более 7,5 тыс. работников, вывезенных колчаковцами; откомандирование на заводы и фабрики Урала из Красной армии в марте—декабре 1920 г. 9 357 квалифицированных рабочих; привлечение в ходе трудовых мобилизаций в промышленность Урала дополнительно 20 484 рабочих; возвращение на производство методом вербовки и вольного найма 2 474 человек; ряд других мер, особенно милитаризация большинства предприятий Урала, бронирование на крупных предприятиях Урала с февраля 1920 г. 41 296 рабочих [см.: Рафиков, с. 28, 30—32, 35] позволили стабилизировать численность рабочих промышленных предприятий Урала к концу 1920 г.

На пути стабилизации рабочих коллективов заводов и фабрик Урала постоянно возникали самые различные проблемы. Так, докладная записка (октябрь 1920 г.) от завкома рабочих Мотовилихинского завода в ЦК ВСРМ обвиняла партийных работников Пермской губернии в том, что «во искуплении вины» за эвакуацию вместе с белыми, прибывшие из Сибири работники предприятия, в приказном порядке отправлялись не в цеха, а на заготовку дров. Подобные случаи нерационального использования квалифицированных работников оценивались как недопустимые [ГАСО, ф. Р-95, оп. 1, д. 184, л. 29—29 об.].

Меры, предпринятые советскими органами по комплектованию промышленных кадров, выстраивание системы продовольственного снабжения рабочих и служащих позволили сохранить костяк работающих на заводах и фабриках, шахтах и рудниках. Едва ли не самый тяжелый период для Урала (после ожесточенных боев лета 1919 г.) — в сентябре

1919 г. — на металлургических предприятиях края трудилось около 90 тыс. рабочих, или вдвое меньше, чем в 1916 г. С весны 1918 г. вдвое сократилась численность шахтеров; на 60 % — рабочих золотодобычи и горняков [см.: Дмитриев, с. 77]. Тем не менее в сохранении значительной части промышленных рабочих, вновь проявились специфические черты индустрии Урала: заводы и фабрики в горнозаводских поселках региона, даже прекратив работу, вставали на консервацию, сохраняя штат работников основных цехов [см.: Фельдман, 2001, с. 93—94].

Система военных госзаказов в 1918—1920 гг. как со стороны белогвардейских правительств, так и органов советской власти, для металлообрабатывающих предприятий Урала, прежде всего Ижевского и Пермского (Мотовилихинского), Воткинского, Златоустовского и ряда других заводов позволила сохранить ядро рабочих-машиностроителей [см.: Фельдман, 2001, с. 154—155].

Подведем черту. Отступление колчаковских войск летом 1919 г. не привело к долговременным существенным потерям в составе рабочих кадров промышленных предприятий региона. Миф о «70 % разрушенных заводах Урала» отражал не столько реальную степень разрухи, сколько определенную растерянность и некомпетентность публицистов и местных лидеров большевистской партии, как правило, не имеющих технического или экономического образования [см.: Савцов, с. 42], перед масштабом трудностей, возникших после Октябрьской революции и непродуманной ускоренной национализации [см.: Фельдман, 2012, с. 98—107] в ходе военно-коммунистических экспериментов в годы Гражданской войны [см.: Павлюченков] военных действий лета 1918-го — лета 1919 гг.

Характерным примером оценок ущерба, нанесенного отступлением белых войск летом 1919 г., «на глазок», без научного подсчета, можно считать выступления уральских лидеров в октябре 1919 г. на Первом губернском съезде рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Екатеринбурге. Так, в выступлении представителя губернского совнархоза Засыпкина констатировалось: «После ухода белых оставались лишь разрушенные фабрики и заводы. Машины, материалы, книги, инженеры, квалифицированные рабочие — все было увезено Колчаком». Однако далее Засыпкин отмечал, что задача детального обследования на местах всех фабрик и заводов из-за отсутствия средств и плохого состояния транспорта в настоящий момент не выполнена [см.: Первый..., с. 9].

Примечательным было выступление на губернском съезде В. Н. Андронникова, фактически руководившего ходом национализации на Урале в первые месяцы 1918 г., а в октябре 1919 г. являвшегося представителем

Бюро металлов ВСНХ, координирующего восстановление предприятий Урала. Повторив, хотя и слегка в измененном виде, оценку, данную Засыпкиным («за исключением Белорецкого округа, заводы Урала оказались в почти разрушенном состоянии; были увезены все инженеры и квалифицированные рабочие»), В. Н. Андронников указал, что, во-первых, к октябрю 1919 г. 25 % промышленного производства было уже восстановлено; во-вторых, существуют все возможности довести к 1 января 1920 г. (т. е. менее чем за полгода после отступления белых) выпуск в ведущей отрасли Урала — металлургической промышленности — до 50 % довоенного времени; в-третьих, по мнению специалистов, Урал может полностью оправиться от последствий Гражданской войны в течение двух лет [см.: Первый..., с. 11—12]. С учетом того, что весной 1918 г. на металлургических заводах Урала выплавлялась примерно половина довоенной продукции, получалось, что на восстановление «разрушенных или почти разрушенных предприятий» достаточно было всего шесть месяцев. Как видно, статистические данные и «мнение специалистов» заметно не совпадали с эмоциональными и идеологизированными оценками видных советских работников.

Аналогичное противоречие можно встретить и в Отчете Промышленного бюро ВСНХ на Урале за 1920 г. Указание на тяжелейшую катастрофу: «вместе с отступлением белых направились в Сибирь почти поголовно все инженеры и техники и прочий конторский и счетный персонал, как заводской, так и вышестоящих органов. На некоторых заводах не осталось почти ни одного грамотного работника» [см.: Годовой отчет, с. 5] соседствует с положением о том, что в течение 1920 г. количество рабочих на всех предприятиях трестированной промышленности (81 750) было недостаточно, но на выполнении производственной программы 1920 г. сильно не влияло [см.: Годовой отчет, с. 63].

Примечателен и такой момент: когда ответственный советский работник выступал не в аудитории перед слушателями, а в специализированных (технических) журналах, «градус» революционного пафоса выступления заметно снижался. Так, в начале 1920 г., в статье опубликованной в журнале «Серп и Молот» уже упоминавшегося В. Н. Андронникова «К положению уральской промышленности» в спокойной манере констатировалось: «Большинство заводов Урала справилось с ремонтом и восстановлением оборудования, большая часть которого приведена в полную пригодность и не работает или работает частично только по причине нехватки топлива» [см.: Андронников, с. 20].

Возложение на белое движение на порядок преувеличенного ущерба, нанесенного отступлением колчаковской армии летом 1919 г., должно

было отвлечь внимание населения, в первую очередь рабочих, от размышлений о подлинных причинах Гражданской войны, реальных результатах национализации и политики «военного коммунизма» в целом; поддерживать в обществе атмосферу классовой ненависти, позволяющей существовать и оправдывать диктатуру большевистской партии под вывеской «диктатуры пролетариата». Но каждому мифу отмерен свой век.

Андронников В. Н. К положению уральской промышленности // Серп и Молот. 1920. № 2—3.

Внешняя политика СССР. Т. 2. М., 1944.

ГАСО. Ф. 1913.

ГАСО. Ф. 2601.

ГАСО. Ф. Р-95.

Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). Свердловск, 1974.

Годовой отчет промышленного бюро президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. М., 1920.

Голубцов В. С. Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и интервенции / Из истории заводов и фабрик Урала. Вып. 1. Свердловск, 1960.

Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

Дмитриев Н. И., Дмитриева Т. В. Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во второй половине 1919—1920 гг. / Экономическое и социально-политическое развитие Урала в переходный период. Свердловск, 1990.

Дубленных В. С. Белая армия на Урале. Екатеринбург, 2008.

Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006.

История народного хозяйства Урала (1917—1945 гг.). Часть 1. Свердловск, 1988.

Кобылкин Т. Ф. На путях возрождения тяжелой промышленности Урала (июль 1919 — декабрь 1920 гг.) // Труды УПИ. 1970. № 179.

Лахман А. И. Во имя революции. Рабочие Вятской губернии в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.). Киров, 1981.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

Павлюченков С. В. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

Первый и второй губернский съезды рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Екатеринбургской губернии. Екатеринбург, 1920.

Плотников И. Ф. О времени и обстоятельствах освобождения Екатеринбурга от колчаковцев / Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976.

Плотников И. Ф. Большевики во главе антиколчаковских выступлений рабочих Урала летом 1919 г. / Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции Гражданской войны (1917—1920 гг.). Свердловск, 1981.

Плотников И. Ф. Об особенностях и значении вооруженной борьбы уральских рабочих в тылу колчаковских войск / Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917—1937). Свердловск, 1982.

Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.

Рафиков И. К. Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала (1917—1920 гг.) / Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989.

Савцов Э. Г. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышлености в 1917—1923 гг. : сб. науч. трудов Московского ин-та народного хозяйства (Свердловский филиал). Вып. 4. Свердловск, 1967. С. 42.

Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.

Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941. Екатеринбург, 2001.

Фельдман М. А. Опыт демилитаризации промышленности Урала в конце 1917 — первые месяцы 1918 г. — неудачная попытка уйти с орбиты мобилизационной экономики // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. статей. Челябинск, 2012.

УДК 32 (091)

М. Р. Москаленко, Е. М. Кропанева

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.[1]

В данной работе рассматриваются вопросы документального юридического закрепления концепция права на достойное человеческое существование в 1-й половине XX в. Проводится сравнительно-исторический анализ конституций и иных правовых актов, где данное право закреплено и «развернуто» в систему различных прав.

Ключевые слова: история права; право на достойное человеческое существование.

В современном мире достойное человеческое существование — это один из важнейших ориентиров общественного развития и критериев оценки общественного состояния, государственного устройства, политики. В середине XX в. концепция достойного человеческого существо-

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках проекта проведения научных исследований «Концепция достойного человеческого существования и развитие индустриальной цивилизации (на примере Уральского региона)», проект № 14-13-66001.

© Москаленко М. Р., Кропанева Е. М., 2014.